

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт языкознания

*Удмуртский научно-исследовательский институт
истории, экономики, литературы и языка
при Совете Министров Удмуртской АССР*

ВОПРОСЫ ФИННО-УГОРСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВЫПУСК IV

Издательство «Удмуртия»
Ижевск — 1967

Doct. P. Palmeosele
lequy'idamisegn

Tartu, 10.05.67

E. Väärilt

A

Редколлегия:

Кандидат филологических наук, доцент **В. И. Алатырев** (ответственный редактор), кандидат педагогических наук, доцент **В. Н. Захаров**, доктор филологических наук, профессор **В. И. Лыткин**, доктор филологических наук, профессор **К. Е. Майтинская**.

Est.

A-31187

10. Весьма возможно, что некоторые из этих слов бытуют в отдельных говорах коми (зырянского) и удмуртского языков, но они пока что не отражены в известных нам словарях и работах.

11. См. "Лексикон пермского языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный Георгием Чечулиным". Рукописный словарь хранится в Архиве АН СССР (Ленинград).

12. Помета "малоупотребительно" указана в словаре составителем словаря.

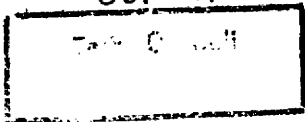
13. Переводы даются в той форме, как они даны в словарях.

14. Словарь русско-пермяцкий (г. Усолье), 1848. Словарь хранится в рукописном отделе АН СССР (Ленинград). Условное название словаря в статье: Ус. сл.

Diss.

A-3504

Est. A

33039

АССИМИЛЯЦИЯ ЛИВСКОГО ЯЗЫКА В ЛИФЛЯНДИИ И КУРЛЯНДИИ

Формирование прибалтийско-финских племен шло в середине первого тысячелетия до н.э., и среди них одним из старейших было племя ливов. Правда, в трудах классиков финно-угорского языкознания И.А.Шёгрена, Ф.И.Видемана, Э.Н.Сэтэля, Л.Кеттунена и Д.Бубриха хронология формирования племен дается по-разному, но ливы всегда называются основным племенем. Изучение ливского языка продолжил П.Аристе, который в своих многочисленных работах утверждает, что древность самостоятельного племенного ливского языка доказывается наличием в нем многих финно-угорских слов (*t u j a* "больной", *u š a r* "яблоко", *š a l a n dõ* "красть", *türgõz* "перо", *k ā l a* "остров", *s ē š ð a* "молоко" и др.), которые из прибалтийско-финских языков встречаются лишь в ливском языке; многими грамматическими категориями (например, общим с приволжскими языками дательным падежом; ср. ливское *l a r s õ n* "ребенку", эрзя-мордовское *дѣранень* "мальчику", "сыну") и т.д.¹ В качестве доказательства древности ливского языка П.Аристе приводит очень старые балтийские заимствования, которые отсутствуют в других прибалтийско-финских языках².

Первые спорные сведения о ливах и местах их поселения мы находим у римских авторов и Адама Бременского, значительно определеннее ливы упоминаются в хронике Нестора "Повесть временных лет"³. В этой хронике о ливах идет речь в следующем отрывке: "А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдъ, мера, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, лмтва, зямигола, корсь, норома, либь: си суть свой языкъ имуще от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полуношныхъ" (1, стр. 13).

Однако на историческую арену ливы и ливский язык выступили в связи с прибытием в Прибалтику немецких монахов, епископов и крестоносцев в конце XII столетия. Летописец Генрих Латвийский подробно описывает события в Прибалтике с 1184 до 1227 года в "Хронике Ливонии". Из хроники мы узнаем места поселения ливов, несколько выражений на ливском языке и многочисленные личные и собственные имена (названия мест). Согласно хронике в начале XIII века у ливов и эстонцев уже не было непосредственной общей границы, так как латвийско-латгальские племена вклинились между ними. Ливы отошли на юг, на территорию, известную

в истории под названием "Ливония", хотя сохранили тесные связи с южно-эстонскими племенами.

По данным хроника Генриха Латвийского⁴ ливы и латыши были крещены и покорены на рубеже XII и XIII вв. После этого началась долголетняя война с эстонцами (1208—1227). В войне заставили участвовать также покоренных ливов и латышей. Генрих Латвийский рассматривает события лишь на территории исторической Ливонии, поэтому данные о покорении ливов в Курляндии отсутствуют. Можно предположить, что это произошло только тогда, когда немцы создали свою администрацию в Прибалтике.

В памятниках XIII—XV вв. о ливах и ливском языке сведений очень мало. Они встречаются в поземельных книгах, рифмованных хрониках и писаниях прибалтийско-немецких историков и пасторов⁵. Ясно, что происходила ассимиляция ливского языка, которая была особенно интенсивной в Ливонии (Лифляндии). В исследовании о прошлом Лифляндии Л. Бергера⁶, вышедшего в свет в 1778 году, поселения ливов в Лифляндии отмечаются только в Салацци, в окрестностях же Риги, по данным Бергера, ливов было мало. Случайно приведенный пример оказался последним письменным документом о рижских ливах.

В середине XIX века ливский язык был активным средством общения только в Курляндии. В Лифляндии он более или менее ассимилировался, хотя отдельные ливы еще жили в Вынну и Салацци. По достоверным данным, последний лив умер в Вынну (Цесисе) в 1848 году⁷. Ассимиляцию ливского языка можно проследить по отчету путешествия И. А. Шегрена и Э. Н. Сэтэля. Как известно, Э. Н. Сэтэль узнал от доктора Ц. Шлау, что последний лив умер в 1868 году⁸. Позднее были сделаны отчаянные попытки найти в Салацци говорящих на ливском языке, но они оказались безуспешными. Таким образом, 1868 год остается последней датой ассимиляции ливского языка в Лифляндии.

В Курляндии же в середине XIX века было еще более 2000 ливов. Они населяли узкую прибрежную полосу полуострова Доменсназ, или Колка, в направлении Риги и Вентспилса. Природные и экономические условия были вполне благоприятны для сохранения ливского языка, так как патриархальный строй, болота и леса препятствовали возникновению контакта с латышским языком.

Однако первая мировая война обусловила ассимиляцию ливского языка в Курляндии. В связи с военными действиями ливы были вынуждены эвакуироваться в латышские деревни, немецкие солдаты уничтожали дома ливов. После окончания боев лишь часть ливов вернулась в родные места, другая же часть осталась в латвийских деревнях и быстро ассимилировалась. В годы существования бур-

жуазного государства в Латвии одновременно началась колонизация ливских деревень латышами.

В 1920–1940 годах происходило запоздавшее национальное движение ливов. Были предприняты шаги для развития литературного языка и обучения ему, в Мазсирбе был создан культурный центр ливов. На некоторое время ассимиляция ливского языка приостановилась. Перед второй мировой войной на ливском языке говорили приблизительно 2000 человек.

Вторая мировая война решила судьбу ливского языка. Ливы снова эвакуировались во внутренние районы, их жилища были сожжены. Многие ливы обосновались на новых местах и ассимилировались. После окончания войны лишь 700–800 ливов, в основном среднего и старшего возраста, возвратились на родину. В послевоенные годы среди ливов уже не было молодых людей, говорящих на языке родителей, поэтому количество людей, которые говорят по-ливски, постоянно уменьшается. В настоящее время ливским языком владеют приблизительно 200–300 представителей старшего поколения.

Ассимиляция ливского языка обусловлена несколькими причинами. Решающей, бесспорно, следует считать капитуляцию перед крестоносцами, затем принудительное участие в изнурительной войне с эстонцами и рабство. Ливы очутились в сравнительно тяжелом экономическом положении, их земли были бедны, морской промысел давал случайный улов. Экономическое превосходство латышей оказывало и моральное влияние на ливов, которых считали колдунами и плохими христианами. Все это способствовало возникновению билингвизма. Некоторые факты подтверждают также пренебрежительное отношение немцев к ливам и предпочтение к латышам. Только в приморских деревнях Курляндии мог сохраниться ливский язык до тех пор, пока новые производственные отношения не привели к контакту с латышами. Затем началась быстрая ассимиляция ливского языка в Курляндии, ее ускорили мировые войны. В настоящее время ассимиляция ливского языка находится на последней стадии.

Литература и примечания

- ¹ П. Аристе. К вопросу о развитии ливского языка. Академия наук СССР. Институт языкознания. Труды института языкознания, т. III. Москва, 1954, стр. 257–258.

2. P. Ariste. Läänemere keelte kujunemine ja vanem arenemisjärgk. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, Tallinn, 1956, lk. 12.

3 Д. С. Лихачев и Б. А. Романов (ред.). Повесть временных лет, I-II. Москва-Ленинград, 1950.

4. L. Arbuzov, A. Bauer (red.). Heinrichs Livländische Chronik, II Druck, Hannover, 1955.

5. E. Väari. Liivi keele uurimise ajaloost. Ema-keele Seltsi Aastaraamat, V, Tallinn, 1959, lk. 192-197.

6. L. Börger. Versuch über die Alterthümer Lief-lands und seiner Völker besonders der Letten, Riga, 1778.

7. A. Hagemeister. Mahrz Sahrum, der letzte Live in der Umgegend Wenden, s. Das Inland, 1849, nr. 41, S. 787-791.

8. E. N. Setälä. A liv nép és nyelve. NyK XXI, Budapest, 1887-1890, 242.

ЗАМЕТКИ ПО МАРИЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Известно, что в словах, связанных с топонимическими названиями, звуки сохраняются в более первичном виде. Поэтому изучение их вместе с тем позволяет в какой-то мере пролить свет на историю возникновения тех или иных фонетических процессов. Исходя из этого, мы рассмотрим этимологию некоторых марийских слов-топонимов.

1. Нюхта в составе названия д.Нюхта (Nühtö) в Медведевском районе Марийской АССР д. Нюхчезеро (Njuchčezero — ее финское название) на Севере N j u c h č a (ср. фин. joutsen, j o e k s e n, j o u h t e n "лебедь"; саам. njukčá ~ njuvča-, njuktsa; морд. Эloksij, loksej, lokstim, M l o k s ' t i, l o k s t i; мар. Л jüksə Г j ü k s ə, малм. j ü k ' s ' o, бир. j ü k ' c ' ö, Б j ü k š ö < общемар. *njuktsa; удм. j u s' коми-зырян. j u s' ~ j u s' k-)

+ рус. озеро². Топоним нюхта отражает один из древнемарийских вариантов слова со значением лебедь, когда развитие *n > j, *u > ü под влиянием последующего среднеязычного согласного j, по-видимому, еще не началось. Принимая во внимание то, что древнемарийские племена современную территорию осваивали в III—У веках н.э., а до этого они обитали в пределах нынешней Татарии³, можно полагать: эти фонетические процессы могли возникнуть в марийском языке в период после названного времени (III—У веков н.э.).

2. Сура — приток Волги; Инсара (< вероятно, путем сложения гидронимов Инза и Сара) — река в Мордовии; г. Саранск (Сара + суффикс родительного падежа -н- мордовского языка); г. Санчурск в Кировской области от реки Санчура (š a n, z a r a)⁴

< сан (ср. санскрит ś a n u ś "вершина, высота", инд. ś a n u-(n); ягн. ś a n- "подниматься, взбираться", согд. sun < *sānaуа- "поднимать") + сара || дзара; дл. Сарда и Сардаял (< сарда + ял "деревня") в Маритурекском районе Марийской АССР; Сердеж — приток реки Лаж и с. Сернуор (Шернур < Сердеж + нур "поле") в Сернурском районе Марийской АССР. Рассмотренные нами выше компоненты сура, сара, сарда, дзара, сердеж, вероятно, восходят к финно-угорскому слову со значением "вода", которые в современных языках сохранились в следующем виде: фин. s a r a: s a r a j a l a "море (в фольклоре)", коми-зырян. саридз, удм. зарезь. Само это слово является индоиранским заимствованием эпохи существования финно-угорского языка-основы, ср. санскрит. ś a r a ś "озеро,